

2. СОЦІОТЕХНОЛОГІЧНІ ПІДХОДИ ДО АНАЛІЗУ СУСПІЛЬСТВА: МЕТОДОЛОГІЧНІ ПРОБЛЕМИ

УДК 94(47+57)

Г. П. ГРЕБЕННИК

БОЛЬШЕВИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

1. Постановка проблемы

В последнее десятилетие разве что ленивый не “бросил камень” в большевиков. Тривиальное обвинение заключается в том, что они, исповедуя в теории коммунистическую утопию и крайний революционаризм в политической практике, воспользовались ситуацией послефевральского хаоса, совершили “октябрьский переворот”, пришли к власти и свернули Россию с “большака цивилизации”.

Научное мышление, естественно, не может удовлетвориться объяснением феномена большевизма волюнтаристскими действиями небольшой группы людей, спаянных между собой жесткой партийной дисциплиной и верой в марксистскую доктрину. Значительно более научной выглядела история большевизма, по-партийному пристрастно рассказанная советской историографией. Это была история “о себе любимом”, но, по крайней мере, в ней грамотно, с точки зрения научной методологии, ставились вопросы. К сожалению, безбрежный догматизм и жесткая идеологическая цензура (пресловутый принцип партийности) напрочь исключали концептуальное многообразие в интерпретации феномена большевизма.

Сегодня советская историография большевизма просто неактуальна, а между тем после того, как спал угар революционно-демократического отрицания советского строя, появилась потребность в интерпретации феномена большевизма в плане преемственности, пере-

ходности от одной эпохи к другой. Эта потребность диктуется необходимостью адекватного анализа происходящего.

Итак, наш девиз: не проклинать, а понимать. Теоретик и вождь современного евразийства А. Дугин в статье “Просто большевизм” (1997 г.) предложил начать конкретно-историческую разработку теории национал-большевизма, синтез русской национальной идеи с марксизмом. Что ж, как говорится, флаг ему в руки. Однако следует заметить, что эта идея уже прорабатывалась в прошлом. Я имею в виду, прежде всего эмигрантскую литературу противников большевизма, в первую очередь, книги Н. А. Бердяева “Духи русской революции” (1918), “Истоки и смысл русского коммунизма” (1937), его же статью “Русский марксизм”, а также работы И. А. Ильина, С. Л. Франка, П. Б. Струве, Г. П. Федотова, Б. П. Вышеславцева, Ф. А. Степуна и др. о национальных корнях большевизма, неслучайном увлечении марксизмом радикальными кругами российской интеллигенции и полуинтеллигенции, об особенном характере его прочтения (“русский марксизм”). Евразийцы 20-х годов видели в большевистской революции народную реакцию на западнический “перекос” императорской России. Они приветствовали восстановление евразийского “баланса”. Стоит также напомнить, что идея украинского национал-большевизма имела значительное хождение в республиканском руководстве и в интеллигентских кругах Украины в 20-е годы истекшего столетия. Западная историография большевизма кишмя кишит трудами, в которых большевизм/коммунизм подается как марксистская реинкарнация неизбывного российского империализма.

В России в последние годы плодovitостью и стремлением к теоретическому переосмыслению истории большевизма и всей советской эпохи выделяется С. Г. Кара-Мурза. На страницах своих книг “История советского государства и права” (1999), “Манипуляция сознанием” (2001), “Советская цивилизация. Кн. первая. От начала до Великой Победы” (2002) и др. он проводит идею об особом цивилизационном характере Советского государства, подробно рассматривает теоретические и идеологические аспекты деятельности большевиков на всех этапах их истории, показывает их достижения и просчеты. Особенно обстоятельно он характеризует “спасительный для России проект Ленина”. Эти книги отличает острая полемичность. Автор стремится доказать, что в ходе очередного перелома Россия утратила серьезные достижения предыдущей исторической эпохи, в чем повинна в первую очередь, по его мнению, либеральствующая интелли-

генция. Таким образом, С. Г. Кара-Мурза представляет левую точку зрения в современной научной дискуссии о большевизме.

Праволиберальная, веховская традиция исследования феномена большевизма получила прописку, в частности, на страницах российского журнала “Вопросы философии”. Я имею в виду, прежде всего, исследование, выполненное группой авторов под руководством А. С. Ахиезера [1]. Они рассматривают большевизм как социокультурный феномен, корнящийся в глубинных, дохристианских пластах крестьянского космоса. Большевизм сумел связать своими идеологическими смыслами мощную волну архаизации народной жизни, вызванную полной дезорганизацией государства в 1917-м году. Авторы подчеркивают, что большевизм — это не марксистский проект, а синкретическое явление МЕЖДУ. Между объективной задачей европеизации России и российской народной стихией. Не забыли они и про роль народнической интеллигенции, создавшей большевистскую нравственность.

Мне вообще нравится идея У. Эко, которую он развил в романе “Маятник Фуко”, что в основу моделирования мировой истории можно положить любой феномен или процесс, и в результате окажется, что люди даже не подозревают, что они живут в одном из осуществленных миров, которых великое множество. Тот или иной мир проявляется, когда человек становится сознательным, свободным участником его событий. Но все дело в том, насколько полно, объемно, объективно мы видим и оцениваем тот или иной феномен. Важен угол зрения.

В настоящей статье я постараюсь обосновать совершенно иной, неисторический взгляд на большевизм, а именно: большевизм — это социальная технология перехода, механизм которой неоднократно запускался в российской истории. К этому следует добавить, что эта работа подготовлена на основе большого исследования автора по теме “Отношения политики и морали в истории мировой политической мысли. Опыт конструирования макиавеллианско-кантианского метадискурса”. Конструкция метадискурса позволяет вписать большевизм как тип политического мышления в определенную мировую традицию, а именно трактовать его как разновидность макиавеллистского дискурса.

2. Исторический и социально-технологический большевизм

Советский Союз остался в истории и ждет своих объективных исследователей, другое дело — большевизм. В широком историческом и теоретическом плане большевизм в России есть нечто большее, чем теория и практика руководителей большевистской/коммунистической партии, а затем и государства под названием СССР. В алгоритме российской государственности большевизм есть периодически возникающий феномен. Это — метаисторическое явление. Если взять историю России в макромасштабе, то становится очевидно, что “смена вех” всегда сопровождалась катастрофой, обрушением и распадом всех цивилизационных основ старого общества до состояния хаоса. Избавиться от продуктов распада и гниения, переструктурировать социальное пространство заново — вот задача переходного времени, транзита. Большевизм и является такой технологией “разрыва времени”. Немного впадая в тавтологию, можно сказать, что большевизм есть катастрофическая технология, обеспечивающая преодоление катастрофы, развязку, скорее даже “разрубку” системного кризиса, который сопровождает переход России из одного времени в другое. Вспомним: “большевик на троне” Петр Великий, “большевик на броневике” Владимир Ленин-Ульянов, “большевик на танке” Борис Ельцин. Это своеобразная эстафета лидеров, государственных руководителей России разных эпох. Здесь мы абстрагируемся от масштаба личностей: какова эпоха, таков и ее лидер.

Таким образом, есть большевизм и большевизм. Исторический большевизм и социально-технологический большевизм. Исторический большевизм является частным случаем социально-технологического большевизма.

Термин “технология” понимается как цепь последовательных операций для получения вполне определенного результата. То есть технология — плод человеческого интеллектуального творчества, управляемый процесс с целью оптимизации издержек в той или иной сфере. С большевизмом дело обстоит иначе. Революцию нельзя организовать и тем более ею управлять. С таким же успехом можно управлять извержением вулкана. Об “оптимизации издержек” вообще говорить не приходится: они всегда кажутся непомерными. Так кто (субъект) включает спусковой механизм большевистской социально-исторической технологии? Или — что (какие обстоятельства) служит спусковым механизмом данной технологии? Ответы на эти вопросы

чрезвычайно сложны и малоубедительны для современного этапа научного познания. Вот примеры некоторых из них: солнечная активность, космические ритмы, историческая необходимость, Высший разум, самоорганизующаяся Вселенная.

Вспомним 1917-й год. Февраль разразился, как гром среди ясного неба. Еще за неделю до начала февральских событий Ленин собирался хоронить себя в эмиграции. Да, большевики взяли на себя всю полноту политической ответственности за Октябрь, но объективность требует признать, что не они начали мировую войну, не они бездарно и позорно ее вели, не они пришли к власти в феврале 1917-го, не только они одни виновны в ужасах и зверствах гражданской войны. Не нужно забывать и участие в ней стран Антанты. Таким образом, не большевики определили начало, ход и масштаб революционного переустройства, а революция породила большевизм (русское якобинство) как адекватный ответ на радикальный вызов. Но дело даже не в выяснении степени ответственности большевизма, а в том, что его исторические возможности ограничены. Каждая революция завершается контрреволюцией, своим термидором. По иронии истории термидоризацию (“разбольшевичивание”) большевистского режима и коммунистической партии осуществил “один их них” — И. В. Сталин. Поскольку задача и рамки статьи не позволяют входить в концептуальные споры и детали относительно исторического большевизма, я отсылаю заинтересованного читателя к работам В. З. Роговина “Была ли альтернатива? (Троцкизм: взгляд через годы)”, “Сталинский неонэп”, “1937”, “Партия расстрелянных”, “Конец означает начало”. В этих книгах он подробно обрисовал сталинский переворот, привлек много разнообразных источников, свидетельствующих, что и внутри страны, и на Западе, и в различных кругах русской эмиграции антибольшевистскую направленность сталинской Великой чистки воспринимали достаточно однозначно.

В этой связи я лишь хочу сказать, что социологическая концепция большевизма как “фирменной” российской технологии социально-исторического перехода дает серьезный аргумент против утверждения, будто бы большевики правили Россией/СССР с 1917-го по 1991-й год. Отождествление понятий “большевизм”, “сталинский тоталитаризм”, “советская власть” — это идеологический прием известных политических сил.

3. Задача модернизации и большевизм

Большевизм есть суть государственной политики России в периоды модернизации. Сторонники теории “догоняющей модернизации”, российские и западные, считают, что эта теория дает ключ к объяснению Октябрьской революции и последовавшей трансформации России в Советскую империю прагматическими задачами технико-технологического и экономического порядка, которые объективно встали перед российской государственностью и с которыми самодержавие не справилось. Задача всесторонней модернизации встала перед Россией после поражения в Крымской войне. Александровские и столыпинские реформы ее не разрешили, и тогда историческая инициатива перешла к большевикам. Здесь, в частности, можно привести мнение В. М. Межуева, который заявил, что “никто не сделал больше для модернизации страны, пусть и недемократическими, нелиберальными средствами, чем большевики” [13, с. 43]. Б. Г. Капустин критиковал российских экономических либералов за их принципиально неверную интерпретацию сути большевизма как проявления антизападничества. Наоборот, утверждает он, большевизм был самой радикальной попыткой вестернизации России. “Большевизм абстрагировал от западной цивилизации, очистив до предела, до абсурда ее собственную технорациональную сторону, превратив ее в тотальную инженерию” [7, с. 50]. И. К. Пантин полагает, что действительный исторический смысл большевистской доктрины русского следует видеть не в предписании социалистической утопии, а в том, что благодаря ей Ленину и большевикам удалось подняться до осознания необходимости перерешения задач пореформенной эпохи в новых исторических условиях, то есть “под углом зрения проблем и альтернатив “догоняющего” развития России — “вестернизации”, проводимой “неевропейскими” средствами и путями” [14, с. 220].

Действительно, взяв власть, В. И. Ленин объективно становится преемником П. А. Столыпина в деле модернизации России. Ленин, кстати, внимательно следил за ходом столыпинской аграрной реформы. Прийдя к выводу, что она экономически прогрессивна, вождь большевиков опасался, что ее успех оставит революционеров “без дела”. Но ему было также ясно, что проведение реформы резко повысит в деревне социальный градус, поскольку приведет к значительному расслоению. Да и по российской традиции все издержки государственных нововведений лягут тяжким бременем на плечи крестьянст-

ва. И когда Ленин убедился (в 1910 г.), что крестьянство в целом сопротивляется, а “бронтозавры” самодержавия со своей стороны травят реформатора, то радостно воскликнул: “Не получается!”. “Последний клапан самодержавия” (ленинское выражение) не сработал. Революция вновь стала необходимостью.

Серия ленинских работ, посвященная анализу сущности и противоречий столыпинской политики, показывает, что Ленин отчетливо понимал диалектику революции и контрреволюции, их сцепление и взаимозаменяемость, опосредованные объективными задачами, стоящими перед Россией и ее народом.

Авторитетный английский исследователь Теодор Шанин в книге “Революция 1905 года: момент истины” пришел к выводу, который не понравится нынешним российским экономическим либералам, давно иконизировавшим “великого реформатора” П. А. Столыпина. По мнению Т. Шанина, чтобы задуманная Столыпиным “революция сверху” получилась, ему “нужно было не только царское благоволение, законодательная поддержка и экономические ресурсы, но что-то вроде опричников царя Ивана Грозного, интеллигентов из “Земли и воли”, которые “пошли в народ”, или же комсомольцев и чекистов, чьими руками проводились смертельные сталинские реформы 1929-1937 гг.” [16, с. 387].

У революционера Ленина было больше мобилизационных возможностей, чем у монархиста Столыпина, но финансовые и экономические ресурсы — значительно скудней. И оба в своих преобразованиях упирались в культурную отсталость и пассивность народа. Как из болота высечь искру? — вот проблема, неизменно возникающая перед очередным российским реформатором. И также неизменно перед каждым из них возникает тень их “отца” Петра Великого. Оказавшись во главе государства с разрушенной экономикой, Ленин, при всей личной ненависти к самодержавию и царям романовской династии, поневоле был вынужден согласиться с опытом петровских преобразований в области перенимания и насаждения элементов западной цивилизации, прежде всего, в сфере производства. Так, он прямо требовал “учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства” [12, с. 211]. Его преемники отлично усвоили ленинский урок. Не щадя ни себя, ни вверенных им людей, они сделали из средне-слабого государства супердержаву.

4. Небольшевизм: Егор Гайдар и его команда

Концепция модернизации получила новую жизнь в связи с попытками посткоммунистических стран “войти” или “вернуться” (в зависимости от точки зрения на транзитологию) в современный западный мир. Открыв все шлюзы и границы, отечественные модернизаторы надеялись, что Запад “втянет нас в себя”, ассимилирует, поскольку и у него, мол, нет альтернативы в эпоху глобализации. Несомненно, Запад постепенно нас “переварит”, но что нам от этого и в каком мы будем виде после этого?

“Младореформаторы”, как их называли, пришли в правительство России в первый срок правления Ельцина, и мы могли наблюдать занятную картину: люди, категорически не принимавшие романтического антикапитализма большевиков, сами оказались зараженными романтическим капитализмом, рыночной мифологией. И дело даже не в этом, а в том, что, став проводить реальные экономические действия по насаждению рынка, эти люди столкнулись с реальным сопротивлением, но не стороны коммунистов — здесь сопротивление было скорее эфемерным, а, можно сказать, с сопротивлением самой социальной ткани, инерционным движением отдельных управленческих структур и институтов, хозяйственных секторов и предприятий, действовавших в значительной мере автономно, столкнулись с сознательностью и привычкой людей ходить на работу, несмотря на усиливающуюся дестабилизацию и хаотизацию всей социально-экономической системы. Ну, не хотела Система умирать, и тогда они решились на искусственный коллапс путем резкого прекращения финансирования из центра всех основных народнохозяйственных комплексов и бюджетной сферы. Они верили, что так надо для блага же России. Чем не большевики?

А ведь с самого начала радикальных реформ Е. Гайдара и его команды (именно об этих “ребятах” идет речь) со страниц печати звучала дельная критика этих реформ за их чистый технологизм, “монетарное мышление”, недооценку серьезности социокультурного конфликта традиционных и внедряемых ценностей. В 1992-м году, когда А. Чубайс только готовился осуществлять приватизацию, С. Г. Карамурза предупредил: “По сути вся культурная подоплека концепции приватизации, которая ныне предполагается, основана именно на идее естественного стремления к богатству (это и называется “вернуться к нормальной экономике и к мировой цивилизации”). Это ошибка,

которая корнями уходит в антропологию, в сугубо европоцентристское “политэкономическое” представление о сущности человека” [9, с. 20]. “Стремясь к вестернизации, — писал сторонник другого направления либерализма Б. Г. Капустин, — наши реформаторы творили нечто противоположное западному опыту и неслыханное в его практике. Ведь основой основ того самого “добротного английского пути”, на который они хотели вывести Россию, было, в формулировках Эдмунда Берка, “сохранять все, чем мы обладаем как наследством наших предков” [8, с. 57].

Чем отличается мышление просвещенного либерального экономиста Гайдара от полуневежественного коммуниста-волютариста Хрущева с его “кукурузной историей”, сказать не берусь, зато могу определенно утверждать, в чем они оба едины — в культивировании большевистских методов. Позволю себе пространную цитату из собственной статьи, датированной февралем 1994 года: “Российских реформаторов по привычке относят к демократам, я же смею утверждать, что они являются новейшими большевиками. <... > Большевизм распознается по радикальным взглядам и методам. Гайдаровцы — радикальные реформаторы. Поскольку речь идет о смене экономической-политической системы, постольку речь идет о революции. Поскольку речь идет о революции, постольку используются радикальные, то есть большевистские, средства, методы, приемы. Если за большевизмом признается коренное свойство антидемократизма, то значит и гайдаровцев никак нельзя причислять к демократам” [4].

Помнится, эта газетная статья вызвала недоуменную реакцию: как яростного противника большевизма можно зачислять в большевики?! Люди просто не разобрались, что Гайдар борется с идеологией исторического большевизма, то есть того большевизма, который к тому времени давно уже почил в бозе. Кто возьмет на себя смелость утверждать, что брежневизм выражал живой дух большевизма? Коммунистическая риторика не должна вводить в заблуждение. Это был по советским меркам консервативно-либеральный режим. Отсюда ощущение застоя, ведь большевизм — это коренная ломка, перевороты, бешенная борьба, стремительная социальная динамика.

Е. Т. Гайдар пришел в правительство с целью парализовать рычаги вмешательства государства в экономику. И, надо признать, он в этом немало преуспел. Предполагалось, что рынок быстро научит хозяйственные субъекты самостоятельно ориентироваться в бурном море экономической конъюнктуры, ну а те, кто утонет, — туда им и

дорога. Экономическая эффективность, конкурентоспособность решают все. Проповедь социал-дарвинизма в чистом виде. Максимально используя антикоммунистическую риторику, но при этом действуя по-революционному, именно по-большевистски, Гайдар и его команда попытались одним махом внедрить, протащить в посткоммунистическое общество либерально-рыночные ценности, создать экономическую базу демократии. Конечно, из этого ничего хорошего получиться не могло, а вышел номенклатурно-олигархический режим с добавлением криминалитета как еще одной ветви власти. Российская экономика потеряла всякую управляемость и, таким образом, была подготовлена для “разграба” (словечко Солженицына). Соответствующие политические условия были созданы расстрелом Белого дома в октябре 1993 года.

Когда в декабре 1992 года Е. Гайдар был отправлен в отставку с поста и. о. Председателя правительства, многие решили, что реформаторскому курсу пришел конец. Это было не так. Просто были скорректированы темп и тактика реформ. Большевики нужны для того, чтобы решительно переломить старую тенденцию и создать новую. Если бы всякий раз они добровольно уходили в отставку на второй день после того, как осуществлена революция, им цены бы не было.

6. Цена большевистской технологии

Известно, как круто обошелся с государством и народом царь Петр. Известен и результат его реформаторской деятельности: из сонной полуазиатской Московии, Азиопы он сделал полувосточную державу, Евразию. Великий Петр сумел изменить парадигму развития целого государства-континента. Российская империя отныне стала постоянным фактором европейской политики. Отдавая дань деянию Петра Первого, О. Шпенглер назвал его “человеком чудовищного всемирно-политического значения”.

Сравнивая методы Петра и Ленина, Н. Бердяев отмечал: “Та же грубость, насилие, навязанность сверху развития, отрицание традиций, тот же этатизм, гипертрофия государства, то же создание привилегированного бюрократического слоя, тот же централизм, то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации” [3, с. 12].

Славянофилы никогда не прощали Петру ни жертв народных, ни культурной беспочвенности. Но люди западнической ориентации в споре со своими оппонентами о цене петровских реформ оправдыва-

ли жестокость Петра необходимостью, без которой, по их мнению, была бы просто невозможна “революция сверху” в такой инертной, крестьянской, почти лишенной культурного элемента стране, как Московское государство. Западник, “протобольшевик” В. Г. Белинский писал: “Что касается до жертв, с какими построен Петербург, — они искупаются необходимостью и результатом. Петр своими делами писал историю, а не роман, он действовал как царь, а не как семьянин” [2, с. 367]. Это — сугубо макиавеллистская аргументация.

В свою очередь вопрос о цене “большевистского эксперимента” поставили идеологи и публицисты из лагеря демократов-западников. Они предъявили обвинение большевикам и лично Ленину в узурпации власти, в развязывании кровавой гражданской войны, в сталинщине. Народ заплатил “непомерно чудовищную цену” за реализацию марксистско-ленинской утопии, жертвы были неоправданы, результаты либо никакие, либо ничтожные. Таков рефрен многочисленных публикаций.

Критикам большевизма было бы полезно задуматься над сутью государственного террора в годы гражданской войны. Она имеет классическое гоббсово определение как “война всех против всех”. “Демон молекулярной войны” страшен своей неуправляемой стихией. Вспомним, как оценивал Ленин силу мелкобуржуазной стихии: опаснее, чем Деникин, Юденич, Колчак вместе взятые. Именно стихия русского бунта сначала создала Февраль, а затем опрокинула его в Октябрь, разлившись по просторам России гражданской войной.

В советской историографии тема противостояния народившегося большевистского государства вооруженной народной стихии (крестьянские, национальные, полубандитские и откровенно бандитские объединения, отрицавшие саму идею государственности), замалчивалась по понятным причинам. А между тем, именно этим объясняется двойственность поведения большевиков в революции: как революционная сила они использовали народную стихию для того, чтобы свалить Временное правительство, а как новое государство они беспощадно подавляли анархическую вольницу. В статье “На башне броневика и в мавзолее” К. М. Кантор пишет: “Жестокая ленинская революция спасла Россию от самой себя, от таившейся в ней саморазрушительной богатырской бунтарской силы. Ленин соединил в себе (как предвидели это многие) “Робеспьера” и “Пугачева”, но так соединил, что “Робеспьер” одерживал верх над пугачевщиной, захлестнувшей Россию, и над “Пугачевым” в самом Ленине. Убежденный

государственник, противник анархии, он вошел в самую гущу смерча и укротил его суровей, чем Алексей Михайлович восстание Разина, а Екатерина II восстание Пугачева” [6, с. 102]. Остается лишь присоединиться к этой оценке.

“Жестокость” Ленина в целом находит оправдание в обстоятельствах революции на стадии ее излома, когда расползается аномия. Тогда террор становится политической технологией борьбы с аномией, с анархической вольницей в руках тех, кто пытается утвердиться в качестве законной власти. Это — закон революции и гражданской войны. Пока не истреблена значительная часть взявшихся за оружие людей, то есть активных участников войны, до уровня ниже критической массы, с которой война началась, — до тех пор не иссякает дух гражданской войны, и до тех пор она продолжается.

Собственно, к террору прибегли все воюющие стороны, он и был средоточием гражданской войны, но не сутью политики противоборствующих сторон. Возьмем для примера украинский сюжет. Читая современные учебники по истории Украины, можно вынести впечатление, что Украина стала советской в результате большевистской интервенции из России. Никто не обращает внимание (не хочет?) на то, что украинские большевики и деятели Центральной рады, позднее петлюровцы были конкурентами друг другу на революционном фланге. В этом отношении показательна позиция стран Антанты: они считали правительство УНР украинской разновидностью большевизма и, естественно, отказывали ему в поддержке. Таким образом, на Украине столкнулись два левых режима. Степень радикализма каждого никто не взвешивал на весах. Да это населению и не нужно было. Я склонен думать, что решающий перевес в сторону большевиков обеспечила не Красная Армия, а то обстоятельство, что петлюровцы смертельно напугали украинский народ. Народ воспринимал петлюровщину как давление агрессивной мелкобуржуазной стихии. Общеизвестно, что значительную часть армии Петлюры составляли фактически неуправляемые банды (“атаманщина”). К слову сказать, эти банды, порой очень значительные, первоначально возникли как отряды самообороны сел и местечек в условиях полного безвластия. В дальнейшем они приобрели самостоятельное значение и стали претендовать на исключительный контроль над подвластными им территориями, занялись там “бизнесом” — грабежом и рэкетом. Народ здесь был наиболее привлекательным объектом. Это очень напоминает ситуацию с неподвластными никому полевыми командирами в Афганистане и Чечне.

Я вовсе не отрицаю, что в ходе осуществления политики красного террора были допущены чудовищные злоупотребления властью чекистами, комиссарами, ревтрибуналами, “тройками”, рядовыми красноармейцами. Дать “шариковым” в руки оружие и вручить мандат на “законный” отстрел людей — это страшно, но именно таковы реалии гражданской войны. Однако я еще раз хочу сказать, что нельзя формы реализации политики выдавать за ее суть и уж тем более нельзя объяснять победу большевиков тотальностью их террора или, того хуже, демоническими качествами их вождей.

7. Еще раз о “палачах”

То и дело приходится слышать и читать: “палач Ленин”, “палач Сталин”, “палач Троцкий”... В этой связи возникает вопрос: чьи они палачи? Ведь, как известно, палач только приводит приговор в исполнение, а выносит его судья. Так кто же этот судья?

На этот вопрос дает неожиданно исчерпывающий ответ киевлянин А. С. Лазарев. В своей мощной книге (1064 с.) под названием “Расшифрованная Библия, или Реквием цивилизации” он утверждает, что наша планета является своеобразной элементной базой, инкубатором, поставляющим “микросхемы” (души человеческие) для обновления отработавших свое элементов Вселенского мозга. Вселенная — это организационная структура, центром управления которой является Вселенский Разум, или, как принято говорить у людей, — Господь Бог. Революции, войны, геологические катаклизмы — все это технологические операции, которые осуществляет Вселенский Разум для получения “материала” необходимого качества [11, с. 11-19].

Комментируя библейские сюжеты, Лазарев прежде всего описывает и разъясняет замысел и технологию Вселенского Разума. Его технологическая интерпретация истории человечества замечательным образом коррелирует с моим подходом к интерпретации большевизма как “нечеловеческой технологии”. Но, конечно, грандиозность лазаревского замысла не идет ни в какое сравнение с моим скромным анализом. Судите сами: он наделил функциональными смыслами Божественного промысла не только библейскую, но и всю последующую историю Человечества, включая XX век.

По представлению А. С. Лазарева, технологическая система управления Вселенского разума основана на законах Вселенной. Причем в

их основе заложен приоритет эффективности. Десять библейских заповедей являются условиями эффективного функционирования Человечества в заданном для него режиме. Но главный закон управления Землей — это закон Кармы. Он абсолютен. “Даже Господь не может защитить человека, если сосуд Кармы его переполнен негативной энергией” [11, с. 32]. Карма образует в Космосе поле некоей психической энергии, которая организует связь каждой индивидуальной души с Вселенским разумом. По достижении меры отрицательной энергии (“меры беззакония”) включается механизм суда и наказания. Вообще тема “преступления и наказания” — основная в деле управления Землей. Наказание есть восстановление Кармы. Его аспектами, отмечает наш автор, являются то, что оно значительно превосходит преступление, неотвратимо, хотя может быть отложено, и почти всегда за преступление несут расплату потомки в нескольких поколениях¹.

Итак, в интерпретации А. С. Лазарева, Господь — это не антропоморфный Бог христиан, входящий в их обстоятельства, а абсолютный макиавеллист. Кстати, в книге четыре раза упоминается Макиавелли именно в связи с описанием технологических приемов Господа. Господь добивается своей цели любыми средствами и чрезвычайно изобретателен по части провокаций конфликтов и войн. Но все делается через людей и умами людей.

Таким образом, Суд осуществляется не на Земле, а на Небе и по законам, которые не имеют ничего общего с человеческими представлениями о справедливости и милосердии. Отсюда вытекает ответ и на второй вопрос, чьи палачи, — палачи Господа, а значит, не может быть и речи о Божьем проклятии. “Нерон и Аристотель, Гитлер и Жанна Д’Арк, Сталин и Леонардо да Винчи — все они люди Господа, а разница между ними только в том, что антихристы пришли в мир для исполнения Суда Божьего, то есть палачами. Они не плохие и не хорошие. Они исполнители наказания, которое определено Судом Человечеству за его грехи (за переполнение сосуда Кармы негативной энергией)” [11, с. 45].

¹ Категория “справедливость” — одна из самых древних, она по смыслу связана с понятием воздаяния, возмездия. Автор “Розы мира” Д. Андреев пишет, что во всех высокоразвитых религиях отмечено существование некоего общего нравственного закона возмездия, который он называет “железным законом нравственных причин и следствий”. (Роза мира. — Собр. соч. в 3-х томах. — Т. 2-й. — М., 1996, с. 45, 96). Этот закон можно назвать кармическим. “Карма есть такая же равнодействующая двух противоположных волей, как закон смерти и закон борьбы за существование”. (Там же, с. 96).

А Ленин? Тут мы подошли к главному пункту, ради чего я обратился к книге А. С. Лазарева, рискуя нарваться на упрек в “отходе от научности”. Ленин, по его мнению, тоже палач Господа, но не антихрист. Наоборот, он для России “спаситель-хирург”, “Назорей Божий” [11, с. 435, 436]. Автор сравнивает Ленина с библейским Самсоном: он спас государственность России, но погубил монархию. В другом месте он настаивает: “... Владимир Ульянов не был дьяволом. Это посланец Бога, которому давались особые полномочия — спасти Россию от разгрома в Первой мировой войне и изменить организационную структуру и систему управления в ней, сделать ее соответствующей законам Космоса” [11, с. 436]. Вместе со смертью Ленина умирает и его организация, то есть большевистская партия, которая была специально приспособлена для реализации ленинских технологий борьбы за власть и ее удержание. Сталину она не нужна. У него свои задачи и свои технологические решения. Под них он и строит управление страной.

Найдутся люди, очень скептические и ироничные, которые спросят меня с усмешкой: “И вы во все это верите?”, или еще жестче: “Какое отношение это имеет к науке?”¹

Какая разница, во что я верю! Я вовсе не подписываюсь под всем, что написал в своей книге А. С. Лазарев, а утверждаю следующее:

1. В земной природе, космосе есть такие технологические процессы, которые протекают помимо сознания, воли и деятельности людей.

¹ Доктор технических наук, один из ведущих специалистов в Украине в области создания систем вооружений потратил 20 (двадцать) лет на поиски ключей к расшифровке Книги книг и катренов Нострадамуса. Разве это не серьезно? А. С. Лазарев рациональным, вполне научным языком описывает технологию Вселенского разума, например, технологию организации земных катаклизмов с целью достижения Землей нового равновесия. Многие вещи, о которых он пишет, полностью согласуются с представлениями древних об устройстве мироздания, с эзотерическими доктринами так называемых “посвященных”, “наставников”, “хранителей мудрости”. Но замечательно и то, что мы наблюдаем, как священное знание древних актуализируется в современных физических теориях и гипотезах, в основу которых положен принцип единства Вселенной и универсализма ее законов. В самом деле, как следует отнести к утверждению одного из создателей метатеоретической физики Ю. И. Кулакова, что до Большого взрыва была не пустота или хаос, а Программа, и целью этой Программы был Человек? По его словам, Программа эта, представляет собой пакет программ, которые последовательно активируются. А еще Кулаков говорит, что созданием единой теории физики он приближается к Богу. Что бы это значило? Видимо, наука XXI века стоит на пороге того, чтобы переформулировать понятия рационализма и детерминизма.

2. Человек способен создавать и реализовывать технологии по своему плану. Цивилизация есть продукт его технологического гения.

3. Можно допустить, что есть и такие технологии, которые осуществляются через сознание, волю и деятельность Человека, но без его генерального плана. Единый Смысл накладывается поверх человеческих смыслов, целей, которые к тому же сталкиваются друг с другом.

Такой технологией является история как способ существования Человека. Ведь человек не управляет своей историей. Если бы ему удалось создать такую технологию управления, то это означало бы, что по своему могуществу он сравнялся с Богом. Грех непомерной гордыни — смертный человеческий грех. Кажется, коммунистический проект рухнул, как в свое время Вавилонская башня, потому что в этих попытках читается заявка Человека на божественное могущество.

В книге С. Г. Кара-Мурзы “Советская цивилизация” я встретил цитату, которая в моем сознании невольно сцепилась с рассуждениями А. С. Лазарева о палачах Господа. “Какую жатву собирает смерть на поле хозяйственного хаоса, мы видим сегодня, — пишет автор, — государство и хозяйство всего лишь полуразвалены, но Россия (т. е. половина империи) за год несет чистые потери в 1 миллион жизней, а с учетом неродившихся теряет 2 миллиона. И ведь войны и репрессий нет... Значит, есть “невидимый палач” [10, с. 258]. А дальше сами попытайтесь ответить на искомые вопросы о судьбе и палаче так, чтобы не вызвать иронических замечаний.

8. Еще раз о “цене”

А. А. Зиновьев совершенно справедливо, на мой взгляд, указал на то, что социологический подход к анализу общества для понимания этого общества как жизнедеятельного организма важнее исторического, хотя социологические факты из-за их массовидности и обыденности ускользают от внимания современников [5, с. 35-36]. Историка интересует уникальное сцепление однажды случившихся фактов. Социолог же познает те формы поведения людей, способы и процессы организации социальной жизни, которые регулярно воспроизводятся и, таким образом, образуют ее базовую структуру, гомеостазис.

Советская Система была создана (какой ценой — мы уже обсудили) и худо-бедно воспроизводила себя. И вот нашлись люди, которые решились на ее слом. В одночасье был смят образ жизни десятков миллионов семей. Остановилась промышленность. “Мерами по

стабилизации экономического положения” ограблен народ, миллионы людей, поставленные практически в безвыходное положение, выброшены за границу в поисках куска хлеба. Страна отброшена, полагают некоторые, на сто лет назад.

Могу себе представить негодование прочитавшего эти строки Е. Гайдара. И примерно такой текст: “Какая система, какой порядок? Да в 92-м году все летело к черту. Казна была пуста, магазинные полки тоже. Надвигалась реальная угроза голода. Начала крутить свои витки гиперинфляция. Страна разваливалась, а реформы и не начинались. Надо было немедленно что-то делать. Надо было спасти страну. Мы работали в режиме форс-мажора”. Нечто подобное он неоднократно говорил, объясняя неизбежность “издержек” и “промахов” в такой запарке. Поэтому ловлю на слове.

Так, значит “правительство национального спасения”? Значит, “февральские деятели” вновь довели страну до состояния хаоса, с которым можно было справиться только применив большевистскую технологию? А как же “непомерно чудовищная цена”? Уверен: спроси у Гайдара о цене его политики, и он ответит, что была заплачена минимальная цена по сравнению с той, которую заплатил бы народ, если бы в результате развала России разразилась гражданская война. И он, наверное, прав. Но тогда чего стоит морализаторские стенания “демократов” по поводу жертв исторического большевизма? А ведь если вдуматься, гекатомбы жертв и тяжкие труды четырех поколений советских людей были обесценены за пару лет “экономических реформ”. К этому добавьте количество жертв новейшего перелома в России и Украине, которым давно идет счет на миллионы.

Чтобы решиться на все это, надо обладать особыми качествами, среди которых жестокость далеко не на последнем месте. “Никогда не поставлю Гайдара рядом с Лениным, слишком не тот рост, — пишет Солженицын. — Но в одном качестве они очень сходны: в том, как фанатик, влекомый только своей призрачной идеей, не ведающий государственной ответственности, уверенно берется за скальпель и многократно кромсает тело России” [15, с. 20]. Отметил писатель и “стальную волю” г. Чубайса: “Приватизация внедрялась по всей стране с тем же неоглядным безумием, с той же разрушительной скоростью, как “национализация” (1917-1918) и коллективизация (1930), — только с обратным знаком” [15, с. 22].

И я бы не хотел ставить рядом Ленина и Гайдара. Но большевизм и необольшевизм должны иметь один и тот же психологичес-

кий тип личности. И он есть. Ленин — безусловно “теоретический человек”, доктринер. Он рвался к власти с убеждением, что владеет надежным теоретическим инструментарием изменения мира. Гайдар представляет тот же тип интеллигента, человека с “программой”. Он понимал, что от его “мер по стабилизации” России будет очень больно. Но он “знал”, что иначе нельзя. Он даже испытывал что-то вроде глубокого морального удовлетворения от той мысли, что он и его люди идут в правительство для осуществления “непопулярных мер”, становясь их заложниками. Это ли не доказательство того, что он идет во власть не ради власти? С таким самочувствием он и приступил к “операции без наркоза”. Самые ярые из числа обвинителей исторического большевизма не стеснялись говорить, что в результате “октябрьского переворота” к власти пришли “бандиты и садисты”. С той же долей правоты можно характеризовать гайдаровские действия как “типичный садизм” с известной долей интеллигентского садомазохизма. Что касается “бандитизма”, то здесь следует присмотреться к фигуре А. Б. Чубайса. В отличие от Гайдара, от интеллигента в нем — ничего. Без “сантиментов”, предельно циничен, обладает технологическим, организационным мышлением, четок и решителен в выборе целей и средств их достижения, он представляет собой стопроцентный макиавеллистский тип. И, судя по всему, гордится этим. Рядом с Чубайсом легко представить Кириенко, Немцова, Хакамаду — людей одного с ним социально-психологического склада. Не случайно они нашли друг друга, сгрудившись в одну партию. Это люди первого ряда младореформаторов. А ведь есть второй, третий и четвертый. “Хирурги от радикал-либерализма” разной квалификации.

Еще раз вспомним, как красиво начиналась “перестройка”. Была объявлена гласность, и для интеллигенции наступила золотая пора. Умнейшие, ученейшие мужи с сознанием моральной правоты опровергали действительную историю, доказывали, что можно было обойти “высотки”, а не брать их штурмом. Они подняли вопрос об “улице, которая ведет к Храму”. Казалось, мир истин навсегда восторжествует над миром фактов. Увы, когда рассеялся туман из морализаторских сентенций и умозрительных схем, оказалось, что “их улица ведет не к Храму, а к языческому капищу, где молятся золотому тельцу и приносят человеческие жертвоприношения” [10, с. 260]. Оказалось, что на этот раз “февралисты” стелили дорогу не левым радикалам, а капиталократии, семибанкирщине, олигархии. В один миг “го-

сударство трудящихся” растаяло, осталось только “государство бюрократии” с его насквозь продажным аппаратом.

Есть мнение, что интеллигенция в отечественной истории играет роль провокатора. Я же считаю, что ей больше подходит образ благородного рыцаря, на гербе которого изображено разбитое корыто.

* * *

Подведем черту под нашими рассуждениями.

Следует признать существование социально-исторической технологии “нечеловеческого происхождения”. Поскольку она реализуется через людей, которые свободно принимают решения и действуют, ответственность за результаты с них не снимается. Более того, вселенский кармический (моральный) закон делает расплату неотвратимой. Фраза “за все надо платить” искажает суть происходящего в жизни человека и общества, правильное говорить — “за все надо расплачиваться”.

Разновидностью социально-исторической технологии является большевистская технология. Ее функциональное назначение заключается в преодолении разрывов в истории России в период цивилизационных срывов. При этом вопрос о ее цене, столь важный для интеллигентского морализующего сознания, теряет всякий смысл применительно к реальному историческому процессу. Реформаторы и антиреформаторы, коммунисты и либералы, революционеры и контрреволюционеры, демократы и тоталитаристы, государственники и диссиденты — все это случайные позиции внутри той формы, которая называется “судьба России”. Неслучайной в ее судьбе является большевистская технология поворота истории, перехода на новый виток развития. И если механизм этой технологии заработал, то все участники этого процесса, активные и пассивные, расплачиваются по счетам истории, не считаясь с издержками. Характерной чертой общественного сознания в этот период является захваченность очередным утопическим проектом. Вероятно, так легче пережить шокирующую реальность.

Литература

1. Ахиезер А. С., Давыдов А. П., Шуровский М. А., Яковенко И. Г., Яркова Е. Н. Большевизм — социокультурный феномен (опыт исследования) // Вопросы философии. — 2001. — № 12. — С. 28-39; 2002. — № 5. — С. 55-66.
2. Белинский В. Г. Избр. филос. соч. в 2-х томах. — Т. 1. — М.: Госполитиздат, 1948.
3. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990.
4. Гребенник Г. П. Реформаторы, националисты и демократы // Одесский вестник № 20(574) от 9 февр. 1994 г.
5. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. — М.: Центрполиграф, 1994.
6. Кантор К. М. На башне броневика и в мавзолее // Вопр. философии. — 1998. — № 8.
7. Капустин Б. Г. Россия и Запад на пути к миру миров // Кентавр. — 1993. — №1.
8. Капустин Б. Г. Современность как предмет политической теории. — М.: РОССПЭН, 1998.
9. Кара-Мурза С. Г. Проект либерализации России. Адекватен ли он реальности? // Свободная мысль. — 1992. — № 7.
10. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. — Кн. первая. От начала до Великой Победы. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.
11. Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. Международный симпозиум 15-16 янв. 1999 г. — М., 1999.
12. Лазарев А. С. Расшифрованная Библия, или Реквием цивилизации. — К.: А. С. К., 2002.
13. Ленин В. И. О продовольственном налоге // Полн. собр. соч. — Т. 43. — С. 205-245.
14. Пантин И. К. Идеология большевизма: доктрина и реальность. — В кн.: От абсолюта свободы к романтике равенства (Из истории политической философии). — М.: ИФРАН, 1994.
15. Солженицын А. Россия в обвале. — М.: Русский путь, 1998.
16. Шанин Т. Революция как момент истины: Россия 1905-1907 гг. / Пер. с англ. — М.: Весь мир, 1997.